
Диана Росси
Пока мы врём
18+

Диана Росси
Пока мы врём

https://litres.ru/74697454
SelfPub; 2026

Аннотация

Он заплатил за шесть недель моего притворства. Но не за моё сердце.

Для всех мы с Александром Воронцовым идеальная пара. Перед камерами я улыбаюсь ему. За закрытыми дверями обещаю себе держаться подальше.

Только однажды он целует меня без свидетелей. И я понимаю: самое опасное в нашем договоре — не ложь, а чувства, которых никто не планировал.

Но что, если для него всё по-прежнему игра?

Содержание

Глава 1. Неподходящий клиент 5
Глава 2. Случайный кадр 15
Глава 3. Очень дорогое предложение 24
Глава 4. Три правила 37
Глава 5. Ужин на двоих 47
Глава 6. Отель, который нельзя потерять 59
Глава 7. Слишком убедительно 72
Конец ознакомительного фрагмента. 74

Диана Росси
Пока мы врём

ПОКА МЫ ВРЁМ

Современный любовный роман · 18+

Глава 1. Неподходящий клиент

Если человек начинает утро с фразы «у нас небольшая проблема», я предпочитаю сразу узнать, сколько она стоит.

— Восемьсот шестьдесят тысяч, — сказал Илья.

Я перестала размешивать кофе.

— Это небольшая проблема?

— В масштабах страны — ничтожная.

— В масштабах нашей страны под названием «Контекст», которая помещается на шестом этаже бывшего доходного дома, это почти месячный фонд оплаты труда.

Илья Соколов, мой партнёр по агентству и человек, способный шутить даже на собственных похоронах, положил передо мной распечатку. Наш самый крупный клиент заморозил рекламный бюджет до конца года. Не сократил, не перенёс очередной платёж — заморозил весь проект. В ближайшие полтора месяца мы недополучим восемьсот шестьдесят тысяч рублей. Это слово, «заморозил», выглядело особенно издевательски на фоне серого петербургского неба за окном.

— Они ещё могут передумать, — сказал Илья.

— А могут открыть пекарню на Марсе. Мы же не станем включать её в финансовый план.

Я закрыла таблицу с расходами. В коридоре Дима снова воевал с кофемашиной, у которой из всех талантов был один:

выдавать кипяток, когда просили эспрессо. У нас работали восемь человек, считая меня и Илью. Через десять дней им нужно было платить зарплату. Я уже прикидывала, сколько месяцев смогу обходиться без собственной зарплаты и какие счета можно перенести, не подставив подрядчиков. Кофемашину, кстати, мы тоже покупали в рассрочку.

«Контекст» я открыла четыре года назад, когда почти всё в моей жизни пришлось начинать заново. Первым нашим офисом была комнатка рядом с мастерской, где по пятницам шлифовали мебель. Я встречала клиентов с такой невозмутимостью, словно шум за стеной был частью дорогостоящей системы звукоизоляции. Тогда мы с Ильёй работали вдвоём, сами верстали отчёты и ездили на съёмки с одним зонтом.

Теперь у нас был настоящий офис. Дизайнер Вика, которая носила в сумке запасные карандаши для всех и терпеть не могла работать «покрасивее» без задачи. Дима, аналитик, способный за пятнадцать минут разобрать волну негативных комментариев, но за полгода так и не запомнивший код от входной двери. Две специалистки из контент-отдела, менеджер проектов, бухгалтер на полставки. Они приходили не ради моей мечты о собственном деле. Они приходили работать и рассчитывали получать деньги вовремя.

Илья постукивал ручкой по столу, ожидая моего привычного «выкрутимся». Я и сама хотела его услышать. Обычно мы начинали спасательные операции с шутки и списка задач. Сегодня список не составлялся: Илья не сводил глаз с цифры

внизу распечатки и впервые за утро не предлагал ни одной сумасшедшей идеи.

Телефон завибрировал. На экране высветилось незнакомое имя: «Инга Руденко. Север».

— Ева Миронова? — спросил женский голос. — Вас рекомендуют как специалиста по кризисным коммуникациям. У Александра Андреевича сегодня освободилось окно. Сможете приехать к одиннадцати?

Я посмотрела на часы: девять сорок. До встречи оставался час с небольшим — вместе с дорогой через полгорода.

— У Александра Андреевича, простите, фамилия есть?

— Воронцов.

Илья, услышав имя, поднял голову.

Даже человек, который не читал деловых новостей, за последние два дня успел узнать об Александре Воронцове. Совладелец гостиничной сети «Север» оказался на первых полосах из-за предполагаемой продажи «Атриума» — старого отеля у канала, который петербуржцы любили за витражи, тихий внутренний двор и ужасно дорогие завтраки. В публикациях говорилось, что после продажи несколько десятков сотрудников лишатся работы. Воронцов сперва промолчал, а затем выпустил сухое заявление, от которого стало только хуже.

«Компания рассматривает различные сценарии повышения операционной эффективности».

На человеческом это звучало примерно так: «Мы всё ре-

шим сами, а вы потерпите».

— Одиннадцать, — повторила Инга. — Это возможно?

— Если у вашего руководителя есть сорок минут и готовность услышать неприятные вещи.

Пауза на другом конце получилась выразительной.

— Сорок минут я обещать не могу. Второе, думаю, вы обсудите лично.

Я согласилась и повесила трубку.

— Только не говори, что собираешься читать ему мораль, — попросил Илья.

— Нет. За работу выставлю счёт. Мораль, если понадобится, приложу бесплатно.

Он улыбнулся, но улыбка сразу погасла.

— Нам очень нужен этот контракт, Ев.

— Я знаю.

Я сказала это мягче, чем собиралась. Между нами на столе лежала смета очередного месяца, и спорить с ней было бессмысленно.

* * *

Офис «Севера» занимал два этажа в отреставрированном здании недалеко от Невского. На ресепшене пахло свежесваренным кофе и древесиной. Здесь, наверное, никто не откладывал оплату аренды до последнего дня месяца. Я невольно подумала о нашем бухгалтере и разозлилась: даже ковровое покрытие в чужом офисе не обязано было напоминать мне о деньгах.

Инга Руденко встретила меня у лифта. Строгий костюм, короткое каре и взгляд человека, которому за утро уже пришлось не меньше десяти раз объяснять, почему руководитель пока не комментирует скандал.

— Перед встречей один вопрос, — сказала она. — Вы работали с крупными гостиничными компаниями?

— С крупными — нет. С компаниями, которые надеялись, что громкий лозунг заменит понятный ответ, — да.

— Надеюсь, вы немного смягчите формулировки.

— Я постараюсь. Но ничего не обещаю.

Из переговорной доносились мужские голоса. Когда Инга открыла дверь, один из них произнёс:

— Если пресс-служба ещё раз назовёт увольнение «оптимизацией человеческого капитала», я уволю пресс-службу.

Я остановилась на пороге.

Мужчина у окна обернулся. Высокий, в тёмно-синем костюме, без галстука. Внешность у него была из тех, какие рекламщики любят называть «уверенной», когда не хотят признаваться, что разглядывали фотографию дольше положенного. Тёмные волосы, резкая линия скул, усталость у глаз. На столе перед ним лежали три раскрытые папки, и по тому, как он сжал пальцами колпачок ручки, я поняла: ещё одна встреча — последнее, чего ему сейчас хочется. Однако посмотрел он на меня внимательно, без демонстративной скуки.

— Ева Миронова? — спросил он.

— Если меня пригласили не увольнять пресс-службу, то

да.

Кто-то за столом кашлянул, пряча улыбку.

— Александр Воронцов. Прошу.

В комнате сидели ещё двое: финансовый директор и юрист. Они быстро ушли, оставив на экране презентацию с диаграммами и фотографией «Атриума».

— Вы знакомы с ситуацией? — спросил Воронцов.

— Из публичных материалов. Вчера прочитала ваше заявление.

— И?

— Вы не ответили ни на один вопрос, который тревожит сотрудников. Зато подарили журналистам слово «оптимизация». Поздравляю: теперь они будут склонять его во всех падежах.

Он откинулся на спинку кресла.

— Есть юридические причины, по которым я не могу обсуждать сделку.

— Есть юридические причины не раскрывать коммерческие условия. И есть ваше решение говорить с людьми языком бухгалтерской программы. Это разные вещи.

Инга у двери едва заметно закрыла глаза.

— Что бы вы сказали на моём месте? — спросил Воронцов.

— «Мы рассматриваем несколько вариантов развития отеля. Окончательного решения о продаже и сокращении штата нет. О каждом принятом решении мы сначала сооб-

щим сотрудникам, а затем прессе». Если, конечно, вы действительно готовы так поступить.

— Правда.

— Тогда почему вы не сказали именно так?

Он не ответил сразу.

— Потому что любое слово будет истолковано как обещание.

— А молчание уже истолковали как признание вины.

Я раскрыла планшет. На первом экране были три колонки: «Что известно», «Чего боятся люди», «Что компания способна подтвердить». Мы разбирали их почти полчаса. Я объясняла, почему красивые фотографии обновлённого лобби сейчас только разозлят публику, а Воронцов задавал вопросы, от которых становилось понятно: он действительно слушает, а не ждёт удобной паузы, чтобы снова взять слово.

— Вы предлагаете вывести перед камерами сотрудников? — спросил он.

— Если они сами этого захотят. И не для того, чтобы люди хором рассказали, какой вы замечательный. Пусть зададут вам вопросы в присутствии руководителей. Это страшнее рекламной кампании, зато честнее.

— У нас есть сотрудники, которые боятся потерять работу.

— Именно поэтому они должны услышать ваш ответ, а не голос диктора поверх музыки.

— Люди уже обсуждают, куда пойдут после увольнения.

Одни ищут вакансии. Другие молчат, потому что боятся потерять место раньше остальных. А вы пока разговариваете с советом директоров так, словно сотрудники узнают обо всём из протокола.

— Думаете, я не разговариваю со своими управляющими?

— Управляющие вам скажут то, что знают сами. Иногда — то, что сочтут безопасным сказать. Я хочу услышать человека, который сегодня застилает кровать в номере и завтра может остаться без работы.

Он выслушал меня, не перебив. Потом наклонился к столу и на обороте распечатки написал одно слово: «Сотрудники». Подчеркнул дважды.

— Вы не обязаны записывать каждую мою мысль, — заметила я.

— Пытаюсь отличить полезные от просто обидных.

— Будет трудно. Они часто совпадают.

Александр взглянул на меня поверх листа.

— Пожалуй, именно поэтому вы здесь.

Я не поняла, похвалил он меня или предупредил. Но впервые за встречу перестала мысленно прикидывать, сколько минут осталось до лифта.

Он провёл пальцем по краю стакана, размышляя.

— Вы всегда разговариваете с потенциальными клиентами так, словно уже решили от них отказаться?

— Только с теми, кто способен оплатить мой отказ.

На этот раз он улыбнулся — едва заметно, уголком рта.

Я неожиданно увидела, каким могло бы быть его лицо без недосыпа и чужих ожиданий.

Я поспешно вернулась к планшету.

— Вечером завтра в «Атриуме» благотворительный приём, — сказал он. — Будут инвесторы, журналисты и представители городских проектов. Я хотел его отменить.

— Не отменяйте: люди уже приглашены, отмена только прибавит слухов. Соберите вопросы заранее и ответьте на те, на которые можете. Вашему отелю сейчас полезнее показать живую работу, чем ещё один экран с обещаниями.

— Вы придёте?

— В качестве кого?

— В качестве человека, который скажет мне, если я снова начну разговаривать языком бухгалтерской программы.

— Это потребует отдельного тарифа.

— Выставьте счёт.

Когда я выходила из переговорной, Инга догнала меня в коридоре.

— Вы знаете, что Александр Андреевич обычно не приглашает консультантов на вторую встречу до согласования договора?

— Значит, у него очень плохая неделя.

Лифт ещё не приехал, когда сзади раздался его голос:

— Ева.

Воронцов стоял у открытой двери переговорной, уже без пиджака, с закатанными рукавами рубашки.

— Вы правда считаете, что «Атриум» ещё можно сохранить?

Вопрос прозвучал неожиданно. Не как проверка моей квалификации. Скорее, как вопрос человека, который устал получать уверенные ответы от тех, кто сам не верит в свои слова.

— Я не знаю цифр, — сказала я. — Но знаю, что отель уже проиграет, если вы перестанете разговаривать с людьми, которым он нужен.

Он кивнул.

Лифт ехал медленно. В зеркальной стене я видела собственное лицо — усталое, сосредоточенное и почему-то с намёком на улыбку.

Только тогда поняла: за последний час я ни разу не вспомнила о восьмистах шестидесяти тысячах.

И почему-то мысль о следующей встрече занимала меня сильнее, чем условия будущего контракта.

Глава 2. Случайный кадр

У любого благотворительного приёма две программы. Одну печатают золотыми буквами на плотной бумаге. Вторую никто не записывает: кто с кем поздоровается, кому не улыбнутся и кто уйдёт раньше десерта.

У «Атриума» вторая программа была явно интереснее первой.

— Ты выглядишь так, будто идёшь на экзамен к преподавателю, которого сама же уволила, — сказала Дарья, когда я вышла из такси.

Я прижимала телефон плечом к уху и одной рукой пыталась поправить сползавший ремешок сумки.

— Я иду наблюдать за кризисной коммуникацией в естественной среде обитания.

— Значит, на экзамен. Платье какое?

— Чёрное.

— У тебя все платья чёрные.

— Потому что я взрослая женщина и не обязана выбирать между персиковым и цветом «нежное отчаяние».

Дарья засмеялась. Она работала художником по интерьерным проектам и обладала редким талантом превращать чужие катастрофы в разговоры, после которых становилось легче дышать. Про вчерашнюю встречу с Воронцовым я рассказала ей всё, кроме того, как он улыбнулся. Последнее по-

казалось бы ей особенно подозрительным.

— Веди себя прилично, — посоветовала она. — Не называй людей глупыми до закусок.

— Постараюсь дотянуть до горячего.

Я убрала телефон.

Фасад «Атриума» светился в тёмной воде канала. Здание было не самым большим в квартале, зато самым упрямым: витые решётки, тяжёлая дверь, каменные львы у крыльца. Внутри всё оказалось светлее, чем я ожидала. Под потолком мерцал витраж с голубыми и янтарными листьями. Вечерний свет из окон смешивался с подсветкой, и по мрамору двигались цветные блики.

Гости поднимали бокалы, журналисты поднимали телефоны. У фойе двое сотрудников обсуждали рассадку с такими лицами, будто от неё зависел международный договор.

— Госпожа Миронова?

Инга появилась рядом почти бесшумно.

— Программа у вас на почте. Александр Андреевич будет через пять минут. Пожалуйста, не пугайтесь, если увидите Вадима Гринёва.

— Я должна была подготовиться к этому психологически?

— Он один из крупных совладельцев сети. И человек, который любит давать интервью даже тогда, когда его не спрашивают.

Я нашла Гринёва почти сразу. Серебристые волосы, уверенная осанка, улыбка с тщательно отмеренной доброжела-

тельностью. Он беседовал с женщиной в ярком жакете и, судя по её блокноту, прекрасно понимал, что разговаривает с прессой.

— …городу важна определённость, — донёсся до меня обрывок его речи. — Не все активы можно сохранять из сентиментальных соображений.

На слове «сентиментальных» он посмотрел в сторону парадной лестницы.

По ней спускался Александр.

Он был в тёмном костюме и белой рубашке, без показной торжественности. При виде меня слегка замедлил шаг.

— Вы пришли, — сказал он.

— Я обещала. И мне нравится проверять, умеют ли дорогие отели кормить гостей, которые не собираются их покупать.

— Если вам не понравится ужин, будет третья колонка в вашей таблице?

— Отдельный отчёт. С фотографиями.

Он посмотрел на меня чуть дольше, чем требовалось для приветствия, и я вдруг забыла заранее приготовленное замечание о Гринёве.

— Гринёв говорит с журналистами о продаже, — сообщила я.

— В курсе.

— Тогда вам лучше не выходить сейчас с речью о стабильности. Получится дуэль, а не благотворительный вечер.

— Вы всегда выдаёте распоряжения прежде, чем поздороваетесь?

— Здравствуйте, Александр Андреевич. Не устраивайте дуэль.

Он коротко рассмеялся и ушёл к организаторам.

В начале вечера меня заинтересовали не ведущий и не музыка, а женщина лет пятидесяти с аккуратным пучком. Она встречала гостей, помогала с неожиданными просьбами и успевала подсказывать молодым администраторам, куда направить опоздавших. На бейдже значилось: «Нина Костина. Служба размещения».

— Вы давно здесь? — спросила я, когда она на мгновение остановилась у стойки.

— Двадцать четыре года. А вы журналист?

— Нет. Консультант.

Она улыбнулась, но улыбка была осторожной.

— Тогда, наверное, знаете, закроют нас или нет.

Наготове были десятки профессиональных фраз: «сценарии», «переговоры», «сохраняйте спокойствие». Ни одна не отвечала на её вопрос. Я сказала:

— Нет. Не знаю. Но хочу, чтобы вы получили ответ раньше, чем мы с вами прочитаем его в новостях.

Нина внимательно посмотрела на меня.

— Вот этого бы очень хотелось.

Она хотела уйти, но остановилась и добавила:

— У нас есть девочка, на кухне работает. Таня. У неё ре-

бёнок в школе, а муж сейчас без работы. Она вчера спросила, не пора ли ей идти на собеседования. Я сказала, что пока рано. А потом всю ночь думала: вдруг я ей наврала?

— Вы не могли знать, — сказала я.

— Зато кто-то знает. Наверное.

Нина выпрямила брошку на лацкане форменного пиджака и отошла к стойке. Через секунду она уже улыбалась очередному гостю. Вот что я никак не могла забыть: человеку можно сообщить, что завтра он, возможно, лишится работы, но сегодня он всё равно должен улыбаться гостям.

На стене рядом с лифтом висели старые фотографии. На одной — открытие гостиницы, на другой — персонал в одинаковых фартуках. Я присмотрелась к лицам. Люди на снимках не знали, что однажды их место работы назовут «активом». Наверное, для тех, кто работал здесь сегодня, «Атриум» тоже был не пунктом в отчёте о вложениях, а местом, где проходила половина жизни.

В блокноте под списком вопросов для Александра я написала: «Не обещать того, чего нет в документах. И не превращать чужую тревогу в красивую историю без согласия человека».

Эту запись я сделала ещё до того, как поняла, насколько трудно будет следовать второму правилу.

Позже я слышала короткое выступление Александра. Он не обещал невозможного. Сказал, что решение о продаже не принято, что встречается с представителями персонала

на следующей неделе и что компания опубликует подтверждённые данные, как только завершит внутреннюю проверку. Речь получилась не блестящей — и именно поэтому человеческой.

У края сцены мы на секунду встретились глазами. Я кивнула: именно так, без красивого тумана.

После выступления ко мне подошла журналистка с тёмно-красной помадой и короткой стрижкой.

— Полина Сергеева, «Город сегодня». Вы работаете с «Севером»?

— Пока нет. Консультирую по коммуникациям.

— Вы не похожи на обычного консультанта Александра Воронцова.

— Это комплимент?

— Пока наблюдение. Он только что сказал почти слово в слово то, что вы предлагали в своём интервью о кризисном пиаре прошлой зимой.

Я удивилась. Мою заметку, опубликованную в отраслевом издании, читали преимущественно коллеги и люди, которым нечем было заняться в аэропорту.

— Хорошая память, — сказала я.

— Профессиональная привычка. Можно будет задать вам пару вопросов позже?

— Если они не касаются того, что я ела на ужин.

Полина улыбнулась и отошла.

Я направилась к столику с водой. В этот момент непода-

лёку раздался резкий звон. Молодой официант оступился на краю ковровой дорожки. Один бокал разбился, второй накренился прямо над моим плечом. Я машинально отшатнулась, каблук скользнул по мокрому мрамору.

Меня удержала крепкая рука на талии. Александр успел подхватить поднос свободной рукой и вернуть его растерявшемуся официанту, прежде чем посуда посыпалась на пол.

— Осторожнее, — сказал он.

Я ухватилась за лацкан его пиджака. Наши лица оказались так близко, что я заметила маленькую светлую полоску у его левой брови — старый шрам, которого не было видно на фотографиях.

— Вы всем консультантам устраиваете испытания на равновесие? — выдохнула я.

— Только тем, кто угрожает написать отчёт о кухне.

На его лице не было улыбки, но глаза смеялись.

— Вы можете отпустить меня, — сказала я.

— Если уверены, что стоите.

— Александр Андреевич, я стою уже тридцать лет. С переменным успехом, но сама.

Он тотчас убрал руку. Через ткань платья до сих пор ощущалось тепло его ладони; я возмутилась этой ненужной подробностью раньше, чем успела разглядеть испуганного официанта.

Из глубины зала донёсся щелчок камеры. Потом ещё один.

Я обернулась. Фотограф опустил аппарат, словно снимал исключительно цветочную композицию за нашими спинами.

— Надеюсь, вы не собираетесь предъявить ему счёт за спасение моего платья? — спросила я.

— Собираюсь выяснить, почему у нас мокрый пол посреди зала.

Александр уже говорил с администратором — тихо, без зрителей и выговора юноше, который едва не лишился подноса. Я заметила это. Отметила как профессионально важную деталь. Почти поверила себе.

Ближе к концу вечера он проводил меня к выходу.

— Спасибо за сегодняшний совет, Ева.

— Вы справились сами.

— Не вполне. Без вас я бы говорил о финансовых показателях.

— И потерял бы гостей на слове «маржинальность».

Он взялся за ручку двери, но не открыл её сразу.

— Надеюсь, мы продолжим работу.

— Надеюсь, у вас хватит смелости показать мне бухгалтерию.

— А у вас — не убежать после первой цифры.

Петербург встретил меня холодным влажным воздухом. По дороге к такси я всё время поправляла сумку на том боку, к которому он прикоснулся. В конце концов разозлилась и взяла её в другую руку.

Утром мой телефон начал вибрировать в семь двадцать.

Первым звонил Илья. Второй написала Дарья. Третьим пришло сообщение от Инги: «Пожалуйста, пока не отвечайте журналистам. Свяжусь с вами через десять минут».

Я открыла присланную ссылку.

На фотографии Александр придерживал меня за талию. Я держалась за его пиджак, запрокинув голову. Из-за выбранного ракурса казалось, что до поцелуя оставалось не больше секунды.

Заголовок гласил: «Новая любовь Александра Воронцова? Глава „Севера“ замечен с неизвестной брюнеткой на фоне скандала».

Под фотографией значилось моё имя.

Я перечитала его дважды.

Потом набрала Дарью.

— Скажи мне, — спросила я без приветствия, — возможно ли случайно обручиться по фотографии?

— Судя по тому, что я вижу, — ответила она, — тебе уже пора выбирать ресторан.

Глава 3. Очень дорогое предложение

К десяти утра я успела узнать о себе несколько удивительных вещей.

Во-первых, мне приписали двадцать шесть лет. Приятно — и совершенно неправда.

Во-вторых, я якобы работала моделью, прежде чем заняться связями с общественностью. Мой диплом журфака, забытый на верхней полке шкафа, наверное, счёл бы это личным оскорблением.

В-третьих, Александр Воронцов «скрывал роман с загадочной спутницей уже несколько месяцев». Откуда журналисты взяли месяцы, было непонятно: мы познакомились позавчера.

— Ты хоть спала? — спросила Дарья, ворвавшись ко мне в офис с бумажным пакетом.

— Четыре часа. Остальное время мне звонили знакомые, которые не поздравляли меня с днём рождения последние пять лет, зато внезапно заинтересовались личной жизнью.

— Я принесла сырники. И имбирный чай. И не говори, что ничего не хочешь.

Я отодвинула ноутбук, на экране которого множились заголовки.

— Самое неприятное, знаешь что? — спросила я.

— Что у вас не было поцелуя, хотя фотография обещает обратное?

— Что люди перестали обсуждать судьбу отеля. В комментариях спорят, дорогая ли у меня сумка и как скоро меня бросят.

Дарья достала контейнер.

— К сумке есть претензии?

— Три тысячи девятьсот, со скидкой. Если кому-то не нравится, пусть пришлёт мне новую и чек.

Дверь кабинета открылась без стука. Илья вошёл с двумя телефонами и выражением человека, которому срочно нужно купить билет куда-нибудь подальше.

— Нас ищут три редакции. Одна просит интервью с тобой, другая хочет комментарий о серьёзности намерений Воронцова. Третья интересуется, работаем ли мы с женскими брендами, потому что их клиент готов подарить тебе украшения.

— Боже, — сказала Дарья. — Хоть какая-то польза.

— Никаких украшений, — отрезала я. — И комментариев тоже. Мы ещё не подписали контракт.

Илья присел на край стола.

— Может, как раз сейчас самое время?

Я посмотрела на него.

— В смысле?

— Ты знакома с владельцем сети отелей. Фотографию уже

растащили все. Можно использовать внимание. Не каждую неделю нам падает такой шанс.

— В меня чуть не врезался поднос с шампанским, Илья. Это несчастный случай, а не медиаплан.

Он поднял руки в примирительном жесте.

— Я только говорю, что у нас нет роскоши упускать контракты.

В этом он был прав. От этого раздражение стало только сильнее.

— Давай договоримся об одной вещи, — сказала я. — Если мы возьмём «Север», никто из наших не превращает мою личную жизнь в дополнительную услугу клиенту. Мне не нужны советы о том, какие фотографии выкладывать, чтобы вырос охват.

— Я не говорил о таком.

— Но подумал.

Илья поднял брови.

— Ты сегодня читаешь мысли?

— Нет. Просто знаю тебя.

Он отвёл глаза к телефону и снова улыбнулся.

— И всё-таки ты понимаешь: если бы мы сейчас получили нормальный долгий контракт, я бы спокойно спал впервые за месяц.

Последнюю неделю Илья уходил из офиса раньше обычного, а на звонки отвечал в коридоре. Я считала, что он просто устал скрывать нашу общую тревогу за шутками. Сейчас

заметила, как судорожно он проверил экран одного из телефонов.

— У тебя что-то случилось? — спросила я.

— Кроме того, что мы можем не закрыть зарплаты? Нет.

Он улыбнулся слишком быстро и вышел разбираться с запросами журналистов.

На экране чужие люди оценивали моё лицо, платье и перспективы замужества так уверенно, будто вчера утром вместе со мной искали потерянную подводку для глаз. Самым неприятным было даже не это. Внимание можно получить случайно, а вот управлять им после уже не получится.

В половине одиннадцатого позвонила Инга. Голос у неё был ровный — тревожный признак, потому что люди, привыкшие контролировать хаос, становятся особенно спокойными перед катастрофой.

— Александр Андреевич просит вас подъехать к двум. Мы хотели бы обсудить дальнейшую стратегию.

— Пресс-релиз о том, что я не его девушка, можно написать по электронной почте.

— Речь не совсем о пресс-релизе.

Меня насторожило это «не совсем».

* * *

В переговорной сегодня не было ни юриста, ни финансового директора. Только Александр, Инга и электронная доска с графиком упоминаний «Севера» за последние сутки.

На графике красная линия резко взлетала вверх.

— Поздравляю, — сказала я. — Вчера вы говорили о сотрудниках. Сегодня все обсуждают моё платье. Отличная антикризисная стратегия, если ваша задача — превратить меня в отвлекающий манёвр.

Александр поднялся из-за стола.

— Вы можете сесть прежде, чем начнёте меня казнить?

— Стоя удобнее. В случае чего быстрее уйду.

— Как вам угодно. Кофе?

— Воды.

Он подал мне стакан и только после этого заговорил.

— С утра запросов от журналистов стало в шесть раз больше. Это плохая новость. Хорошая — они снова готовы нас слушать. Мы можем вывести в повестку то, что происходит с «Атриумом» на самом деле.

— Тогда выведите. Объясните историю с фотографией и вернитесь к делу.

— Мы рассматриваем другой вариант, — сказал Александр.

Инга перевела на экран слайд. Крупными буквами: «Личная история. Шесть недель». Под заголовком — список мероприятий, колонка с ожидаемым охватом и моё имя. Моё имя в стратегии, о которой меня ещё не спросили.

Я медленно поставила стакан.

— Нет.

— Вы ещё не услышали предложение, — заметил Александр.

— У меня отличная интуиция на плохие идеи. Иногда опережает речь собеседника.

Он не улыбнулся.

— До голосования совладельцев осталось шесть недель. За это время нам нужно восстановить контакт с сотрудниками, представить альтернативный план финансирования и не дать Гринёву превратить продажу в единственно разумный выход. Я предлагаю оставить слухи о наших отношениях без опровержения.

— Так оставьте. Но я не собираюсь случайно оказываться у вас под рукой в нужный момент.

— Я предлагаю больше, чем это. Совместные публичные мероприятия. Несколько выходов, интервью, иногда ужин. Люди уже видят в нас пару. Ваша работа по антикризисной кампании при этом остаётся отдельной и совершенно реальной.

— А моё личное лицо становится рекламным носителем.

— Только если вы согласитесь.

Я посмотрела на Ингу. Та явно не собиралась спасать руководителя от моего ответа.

— Вы понимаете, чем всё закончится, если журналисты узнают о договорённости? — спросила я. — Они будут обсуждать не отель, а то, что мужчина заплатил женщине за любовь.

— Я не собираюсь платить вам за любовь.

— Очень обнадёживает.

— «Север» оплачивает вашему агентству антикризисную работу: исследования, коммуникации с персоналом, медиаплан, подготовку материалов и сопровождение мероприятий. Сумму и объём определим отдельно. Что касается публичных отношений — это ваше личное решение. Вы можете отказаться от них в любой момент, и профессиональный контракт от этого не пострадает.

Он говорил спокойно, не пытаясь сделать предложение привлекательнее, чем оно было. И всё же мне хотелось запустить в экран стаканом.

— Значит, вы предлагаете мне сознательно обмануть публику.

— Предлагаю не обсуждать с публикой нашу личную жизнь.

— Если мы станем вместе выходить в свет и позволять людям делать выводы, вы прекрасно понимаете, каким будет этот вывод. Это не молчание, Александр. Это постановка.

— Да, — сказал он после паузы. — И я понимаю, чем вы рискуете.

Я ждала оправданий. Они бы здорово упростили мой отказ.

Такая прямота застала меня врасплох.

— Тогда почему вы считаете, что я соглашусь?

Александр помолчал.

— Потому что позавчера вы потребовали говорить правду хотя бы там, где это возможно. Я услышал. Сегодня пред-

лагаю то, что вашим принципам противоречит. И не собираюсь называть это благородным поступком. Мне нужны шесть недель, чтобы показать инвесторам другой путь. Вам не обязательно участвовать.

Мне захотелось спросить, не привык ли он всегда так красиво произносить слово «решать». Вместо этого я открыла блокнот.

— Что с отелем в действительности?

Инга убрала слайд. Александр достал тонкую папку.

— «Атриум» не убыточен по операционной деятельности. Но ему нужны вложения в инженерные сети, а одна из кредитных линий должна быть пересмотрена. На совете есть группа, которая предлагает продать здание и закрыть текущий бизнес. Гринёв ведёт переговоры с потенциальным покупателем. Мы готовим альтернативу: кредитное продление и партнёрские договоры, которые позволят пережить зиму.

— Сколько работников?

— Сто восемнадцать. В случае продажи сорок два рабочих места окажутся под угрозой уже в первом квартале.

Мне вспомнилась Нина Костина у стойки в фойе. «Наверное, знаете, закроют нас или нет». Теперь я знала немного больше, но отвечать ей было не легче.

— Эти цифры я могу использовать?

— После согласования с юристами — да. Не сейчас. Переговоры ещё идут.

— Романтическая фотография не продлит кредитную ли-

нию, — сказала я. — И не убедит сотрудников, если в следующем месяце им задержат зарплату. Это вы понимаете?

— Поэтому я нанимаю вас не как героиню светской хроники. Я нанимаю вас как специалиста, который заставит нас сделать настоящую работу.

Инга передала мне черновой перечень задач. Аудит публичных заявлений, встречи с сотрудниками, подготовка открытого отчёта, разговоры с городскими сообществами, серия материалов об истории отеля, сопровождение переговоров по репутационным рискам.

Внизу стояла сумма. Два миллиона сто тысяч рублей, половина авансом.

Я перечитала её, чтобы убедиться, что не прибавила лишний ноль.

— Цена соответствует объёму шестинедельного проекта, — сказала Инга, заметив мой взгляд. — Включает работу вашей команды, подрядчиков и сопровождение мероприятий. Здесь есть разбивка по этапам.

Я подумала о восьмистах шестидесяти тысячах. О Вике, нашем дизайнере, которая ждала ребёнка и ещё не знала, что у агентства проблемы. О Диме, который вчера предложил перенести отпуск — по собственной инициативе, потому что «сейчас же горячий сезон». Я отвечала перед ними за зарплаты. Но никто из них не давал мне права ставить собственную репутацию на карту без объяснений.

Я ненавидела, что одним числом можно так легко сдви-

нуть границу того, что ещё минуту назад казалось неприемлемым. Особенно если за этой границей стояли не только мои счета, но и зарплаты других людей.

— Я возьму документы на изучение, — сказала я. — И покажу юристу.

— Разумеется, — ответил Александр.

— Не думайте, что сумма меня убедила. И если мы вообще это обсуждаем, сначала вы прекращаете составлять планы с моим именем без моего участия.

— Согласен, — сказал он. — Это было неправильно.

Я не ожидала извинения и оттого насторожилась ещё сильнее.

У двери он окликнул меня:

— Ева. Я не хочу, чтобы вы делали что-то против собственной воли. И ваша работа не будет зависеть от решения насчёт выходов.

— В таком случае вы выбрали очень странную профессию, Александр Андреевич. В бизнесе все постоянно пытаются убедить кого-то сделать то, чего он ещё вчера не планировал.

— Я говорил не о бизнесе.

Он смотрел прямо на меня. И это было настолько неожиданно личное замечание, что я впервые за встречу не нашла остроты.

* * *

Вечером Дарья разглядывала распечатку договора на мо-

ём кухонном столе.

— То есть он предлагает тебе играть его девушку, чтобы люди перестали думать, что он продаёт отель?

— Не совсем. Он собирается спасать отель по-настоящему. А мы должны дать людям ложный повод смотреть на него помягче. Я сама слышу, насколько отвратительно это звучит.

— Очень дорогая ширма.

— Платят за работу агентства.

— И он тебе нравится.

Я открыла холодильник.

— Там есть сыр.

— Ты всегда предлагаешь сыр, когда не хочешь отвечать на вопросы о мужчинах.

— Потому что сыр предсказуем. Особенно твёрдый.

Дарья посерьёзнела.

— А если ты в него влюбишься?

— В человека, который предложил превратить нашу случайную фотографию в рекламную стратегию?

— Люди влюблялись и в более плохие идеи. Только не говори потом, что тебя никто не предупреждал.

Я не ответила. На экране ноутбука лежал ещё не подписанный договор, а рядом — фотография «Атриума» с его янтарным витражом.

Мне нужно было спасти компанию. Я хотела, чтобы Нина Костина и её коллеги услышали наконец честный ответ. А ещё — этого было стыднее всего — мне хотелось снова уви-

деть Александра не в телевизионном кадре, а напротив себя.

Я закрыла ноутбук. Решение всё ещё казалось плохим. Но теперь у него появились условия, с которыми я могла хотя бы смотреть себе в глаза.

Наутро я позвонила Инге.

— У меня будут условия, — сказала я.

— Сколько?

— Для начала три. Дальше посмотрим, насколько ваш руководитель умеет слушать.

По дороге в офис я записала условия в заметках телефона. Работа агентства — отдельно. Личные выходы — только по моему решению. Никаких обещаний прессе о свадьбе, совместном доме или «большой любви». Если кто-то из нас захочет остановиться, второй не превращает отказ в финансовую санкцию.

Список выглядел разумно, почти безупречно. Но я не могла записать четвёртое условие: «Не привыкать к человеку, который утром смотрел на меня так, словно впервые услышал искренний ответ». Для подобных рисков не существовало ни пункта в договоре, ни страховки.

В «Контексте» я остановилась у стеклянной двери и минуту наблюдала, как Вика обсуждает с Димой макет. Вика смеялась, придерживая ладонью живот. Дима спорил, размахивая карандашом, который наверняка украл у неё же. Они не представляли, что я только что согласилась поставить собственное имя под весьма сомнительной публичной историей

ради возможности продолжать платить им вовремя.

Я вошла и сказала, что мы получили серьёзное предложение. О второй его части пока промолчала. Мне предстояло решить, как говорить с командой так, чтобы не заставлять её расплачиваться за мои личные договорённости. Это оказалось сложнее, чем сформулировать три правила для Александра Воронцова.

Глава 4. Три правила

Люди подписывают удивительное количество документов, не читая мелкий шрифт. Ипотеку, пользовательские соглашения, согласие на рассылку от магазинов, в которых никогда ничего не покупали.

Я собиралась подписать рабочий контракт с компанией, руководителя которой знала меньше недели, — и отдельно согласиться на спектакль, после которого половина города будет уверена, что мы любовники.

Поэтому мелкий шрифт я прочитала дважды.

Юрист, с которым я сотрудничала последние три года, выслушал историю и долго молчал. Потом сказал:

— Ева, юридически это два разных вопроса. Договор на PR-сопровождение вполне обычный. Личная часть — ваше добровольное поведение, и её невозможно обеспечить теми же гарантиями, что поставку рекламных материалов. Не позволяйте объединить их штрафами или обязательствами.

— Уже разделили.

— И ещё: если публичное утверждение будет заведомо ложным, это ударит прежде всего по вашей репутации. Будьте готовы, что однажды придётся объяснить свой выбор.

— У меня с объяснениями хорошие отношения.

— С последствиями тоже?

На этот вопрос я не нашла уверенного ответа.

Мы правили документы до позднего вечера. Убрали любую формулировку, которая могла бы связать гонорар агентства с моим участием в личных выходах. Уточнили оплату за выполненные задачи и подтверждённые расходы. А в рабочий договор внесли условие: «Север» предоставляет мне сведения, необходимые для достоверных публичных заявлений, и своевременно сообщает об изменениях. Само же решение появляться с Александром на мероприятиях осталось вне договора — без штрафов и юридических обязательств.

В четверг утром я приехала к нему с папкой и плохим настроением.

За те несколько дней, пока юристы меняли формулировки, история в прессе успела прожить собственную жизнь. Появилась подборка «пяти фактов о новой спутнице Воронцова», из которых четыре были придуманы, а пятый заключался в том, что я действительно существую. Мне звонили из редакции, в которой я работала студенткой, звонила тётя из Твери и даже бывшая школьная подруга, когда-то не одолжившая мне на поезд билет до дома. Каждая начинала с одинакового «ты ведь расскажешь мне правду?».

Я не рассказывала. Правда была слишком прозаичной: случайная фотография, контракт в согласовании и неприятное осознание, что любая попытка опровергнуть слухи теперь сама станет новостью.

Юрист советовал не затягивать решение. Инга присылала аккуратные отчёты о журналистских запросах. А Алек-

сандр молчал — не писал ничего личного, не звонил под предлогом обсудить время ужина. Это молчание почему-то нравилось мне больше, чем настойчивость. Он действительно оставил мне пространство передумать.

Тем неприятнее было понимать, что я не передумала.

— Выглядите как человек, который сейчас откажется от сделки, — сказал Александр.

— Выглядите как человек, который уже придумал, как уговорить меня передумать.

— Кофе?

— Ваш кофе меня не подкупит.

— Это хороший кофе.

— Тем более.

Инга оставила нас за длинным столом. Перед Александром лежала исправленная версия договора. Он быстро прошёлся по пунктам, задержался на разделе о расторжении и поднял глаза.

— Вы оставили себе право уйти в любой момент.

— А вы хотели запереть меня на шесть недель в отеле?

— Нет. Хотел удостовериться, что работа агентства при этом продолжится на согласованных условиях.

— Так и будет. Но если я прекращу личную часть, не пытайтесь удерживать меня через компанию.

Он поставил подпись.

— Не стану.

Я всмотрелась в его лицо.

— Это сейчас было обещание, которое вы действительно собираетесь выполнить?

— Да. Если передумаете, мы просто остановимся. Без объяснений.

— Неприятно, когда вы ведёте себя разумно. У меня пропадают аргументы.

— Запомню.

Но на этом деловая часть заканчивалась. А личная только начиналась.

Я достала из папки лист, на котором от руки написала три пункта. Александр увидел заголовок и едва заметно приподнял бровь.

— «Правила поведения на территории фиктивного романа»?

— Название рабочее.

— Очень обнадёживает.

— Первое. Никаких прикосновений и поцелуев ради публики без согласия обоих. Если нужно взять меня за руку, предупреждаете взглядом или словом. Если я говорю «нет», это значит «нет», даже если рядом фотографы.

— Разумеется.

— Второе. Никто из нас не обязан рассказывать о прошлом больше, чем хочет. Но важные для работы факты мы друг от друга не скрываем.

— Справедливо.

— Третье. Когда договор закончится, мы расходимся. Ни-

каких ожиданий. Никаких обещаний. И —

Я запнулась. Последние слова на бумаге внезапно показались смешными.

— И? — подсказал Александр.

— И не влюбляться.

Он посмотрел на меня так, будто я предложила запретить дождь над Петербургом.

— Вы понимаете, что это правило невозможно проверить?

— Оно носит рекомендательный характер.

— В таком случае я предпочёл бы пункт о запрете публичных скандалов.

— Это было бы слишком скучно.

Он протянул руку.

— Договорились, Ева Миронова.

Я пожала её. Ладонь оказалась тёплой и сухой. Ничего особенного. Обычное рукопожатие деловых людей.

И всё-таки я слишком хорошо запомнила, как его большой палец ненадолго коснулся моего запястья.

— Есть ещё одна договорённость, — сказал он, когда я уже собиралась убрать лист.

— У вас тоже правила?

— Одно. Мы не придумываем общего прошлого. Никаких ложных историй о знакомстве в Париже, о первом свидании в аэропорту или о чудесном совпадении судеб. На прямые вопросы о работе отвечаем прямо. На личные — настолько,

насколько считаем нужным.

Я задумалась. Уголовных последствий за вымышленный первый поцелуй, конечно, не было бы, но мы оба слишком хорошо понимали цену разоблачённой детали.

— И не даём журналистам обещаний, которые невозможно выполнить, — добавила я. — Например, что будем вместе навсегда.

— Я и настоящим парам не советовал бы обещать такое на четвёртом свидании.

— У нас ещё не было ни одного.

— Тем более.

Я впервые почувствовала что-то похожее на облегчение. Мы оба понимали, какую границу переступаем, и хотя бы не собирались строить на ней целый город из неправды.

— Осталось решить, как вы будете представлять меня своим знакомым, — сказала я.

— По имени и фамилии.

— Чудесно. Романтика погибла в самом начале.

— Рано переживать. Вечером ещё будет фуршет.

* * *

Первый совместный выход назначили на вечер: небольшое открытие выставки архивных фотографий «Атриума». Я сама включила мероприятие в план. Истории отеля требовалось человеческое лицо, а старые фотографии могли напомнить городу, что здание — это не только строка в бухгалтерской ведомости.

К шести часам в зале собрались сотрудники, несколько гостей, фотографы и местные журналисты. Я приехала в тёмно-зелёном платье, которое купила год назад на премию за удачный проект. В нём я чувствовала себя собой, а не аксессуаром к чужому костюму.

Александр ждал у лестницы. Увидев меня, посмотрел слишком внимательно.

— Что? — спросила я, останавливаясь.

— Ничего.

— Вы явно собирались что-то сказать.

— Собирался. Но у нас ведь есть правило про комплименты?

— Нет у нас такого правила.

— Тогда вы очень красивы.

Вокруг нас проходили люди. Двери открывались и закрывались. Где-то кто-то звал администратора. А мне почему-то стало слышно только, как каблук соседней гостьи постукивает по полу.

— Лесть в рабочее время не оплачивается, — сообщила я.

— Учту.

— И вы тоже неплохо выглядите, если уж на то пошло.

— Вот теперь переговоры стали конструктивными.

Он не предложил мне руку сразу. Только чуть повернул ладонь вверх — движение настолько ненавязчивое, что его мог не заметить никто, кроме меня.

Я вложила пальцы в его ладонь.

Фотографы оживились, но Александр смотрел не на них.

— Готовы? — тихо спросил он.

— Нет. Но это никогда меня не останавливало.

Мы вошли в зал вместе.

Первый час прошёл почти безупречно. Я рассказывала журналистам о найденных фотографиях, Александр отвечал на вопросы об истории гостиницы. Мы не демонстрировали чувств больше, чем могли бы показать люди, которые просто дорожат друг другом. Иногда он касался моей руки — всегда оставляя мне секунду, чтобы отстраниться.

Самым неожиданным оказалось то, что мне не хотелось отстраняться.

— Вы хорошо знаете, о чём говорите, — заметил Гринёв, подойдя во время небольшой паузы. — Хотя, насколько я понимаю, вы только что начали работать с сетью.

— Хорошая подготовка заменяет многолетнюю привычку делать вид, что всё понимаешь, — сказала я.

Гринёв рассмеялся.

— Александр, теперь понятно, почему ты выбрал именно её.

Я почувствовала, как пальцы Воронцова ненадолго сомкнулись вокруг моих.

— Я выбрал Еву для проекта, потому что она лучший специалист из тех, с кем мы говорили, — ответил он.

— Разумеется. А остальное — приятное совпадение.

Когда Гринёв отошёл, я выдохнула.

— Он меня изучает.

— Он изучает всё, что может использовать.

— Предупреждаю: если меня попросят изобразить ревность ради повышения охватов, я увольняюсь.

— Жаль. У вас, кажется, получилось бы убедительно.

— Не мечтайте, Александр Андреевич.

Я хотела убрать руку, но он уже разжал пальцы. В этом аккуратном движении было больше уважения, чем во всех комплиментах, которые мне делали за последние годы.

Позже, когда гости разошлись, мы вдвоём задержались у старой фотографии: маленький мальчик стоял на крыльце «Атриума» рядом с женщиной в светлом пальто.

— Это вы? — спросила я.

— Да. Мне здесь лет семь.

— Я думала, вы выросли в офисе, среди совещаний и контрактов.

— Нет. Здесь. Мама работала в гостинице до того, как отец вошёл в число инвесторов. Я делал уроки в служебной комнате, ел пирожки на кухне и был совершенно уверен, что витраж на потолке меняется в зависимости от погоды.

Я посмотрела на снимок ещё раз. Мальчик был серьёзный, почти нахмуренный. Женщина рядом смеялась.

— А потом?

Он помедлил.

— Потом я вырос и выяснил, сколько стоит ремонт витража.

Ответ прозвучал нарочито легко. Я не стала расспрашивать.

В дверях появилась Инга с планшетом.

— Такси для Евы подъехало.

Александр проводил меня к выходу, на этот раз не взяв за руку. И почему-то именно отсутствие прикосновения показалось мне странным.

— Увидимся в субботу, — сказал он.

— У нас мероприятие?

— Ужин. Один из семи согласованных выходов. Ресторан выберете вы.

— Чтобы потом написать о нём отрицательный отзыв?

— Чтобы вы не думали, что я всё решаю за вас.

Я прищурилась.

— Начинаете учиться.

В такси телефон осветился новым сообщением от Дарьи: «Ну что, фиктивный роман уже начался?»

Я набрала: «К сожалению, да».

Потом посмотрела на свою ладонь, которая всё ещё помнила чужое тепло, и стёрла слово «к сожалению».

Отправила только: «Да».

Глава 5. Ужин на двоих

В субботу я поняла, что могу профессионально подготовить чужое интервью с министром, но не способна выбрать платье для ужина с мужчиной, с которым официально не встречаюсь.

— Возьми синее, — сказала Дарья по видеосвязи.

— Оно слишком нарядное.

— Тогда чёрное.

— Оно слишком деловое.

— Ева, с тобой невозможно. Ты собираешься на свидание или защищать диссертацию о социальной ответственности крупного бизнеса?

— На рабочее мероприятие.

— Конечно. Именно поэтому ты уже двадцать минут выбираешь серьги.

Я положила обе пары рядом на покрывало. Одна выглядела деловой. Вторая словно обещала вечер, которого я не собиралась себе позволять.

— Не называй это свиданием.

— А он как называет?

— Ужином.

— Хитрый мужчина. Оставляет место для интерпретации.

В итоге я надела тёмно-синее платье с мягким воротом, убрала волосы за одно ухо и выбрала маленькие серебряные

серьги. В зеркале смотрела на меня женщина, которая будто бы ни на кого не собиралась производить впечатление. Она потратила на эту непринуждённость двадцать пять минут.

Ресторан находился на Петроградской стороне, в старом особняке с деревянными панелями и окнами, выходившими на узкую улицу. Я выбрала его намеренно: место было хорошее, но без люстр размером с небольшую квартиру и официантов, которые извиняются за сам факт существования клиента.

Александр ждал у входа.

На нём был серый пиджак, чёрные брюки и тёмная рубашка с расстёгнутой верхней пуговицей. Без галстука он казался не столько моложе, сколько ближе — человеком, которого можно встретить случайно, а не только по записи. Меня это насторожило сильнее дорогого костюма.

— Вы пришли первой, — заметил он, взглянув на часы.

— Я пришла вовремя. Не путайте.

— У меня всё ещё есть три минуты.

— И вы собираетесь использовать их, чтобы спорить?

— Если вы не против.

Он отступил, пропуская меня в ресторан. Всю дорогу я убеждала себя, что иду работать. А стоило услышать его голос, как предательски захотелось улыбнуться. Я уткнулась в меню.

— Инга предупредила вас, что снаружи могут быть фотографы? — спросил Александр, когда мы сели.

— Да. Она сказала, что редакциям стало известно о нашем ужине.

— Не от меня.

— И не от меня. Значит, ресторан надо проверить на наличие шпионского отдела.

— Если вам некомфортно, можем уйти через служебный выход.

Я подняла глаза.

— Вам разрешают покидать рестораны не через парадную дверь?

— Иногда. Под присмотром.

Я рассмеялась, прежде чем успела остановиться. Он будто немного расслабился.

Мы заказали ужин. Я — рыбу и запечённые овощи, Александр — утку. Пока официант записывал заказ, мне неожиданно захотелось узнать, что он выбрал бы без привычки учитывать чужие ожидания. Пирожки с гостиничной кухни? Картошку с укропом? Что-то домашнее и совершенно не подходящее человеку, которого деловые журналы помещали на обложку рядом со словом «стратегия»?

— Вы всегда работаете по субботам? — спросила я.

— Нет. Сегодня я ужинаю.

— Отговорка отклонена.

— В последние месяцы почти всегда. А вы?

— У меня небольшая компания. Владелец небольшого бизнеса отдыхает, только когда забывает зарядить телефон.

Он посмотрел на лежащий возле моей тарелки аппарат.

— Он заряжен?

— На восемьдесят семь процентов.

— Значит, вечер потерян.

Мы заговорили о работе — сначала осторожно, затем всё свободнее. Я рассказала о первой кампании «Контекста», когда мы два месяца пытались убедить владельца сети пекарен перестать фотографировать круассаны на собственный телефон. Он рассказал о госте, который однажды потребовал перенести в номере розетку на другую стену, потому что так ему подсказал астролог.

Я привыкла общаться с состоятельными клиентами в переговорных и на деловых мероприятиях. Там они надевали особенные лица: решительные, слегка скучающие, с заранее готовым выражением превосходства. Александр за ужином оставался сдержанным, но не пытался доказывать, что управляет всем происходящим. Он внимательно слушал мои нелепые истории про рекламные съёмки, задавал вопросы о работе сотрудников и даже признался, что не различает половину маркетинговых терминов.

— «Органический охват» звучит как поставка натуральных овощей, — сказал он.

— А «прогрев аудитории» — как ремонт котельной. У нас много общих профессиональных заболеваний.

— При этом вы говорите о своей работе так, будто получаете от неё удовольствие.

— Иногда. А иногда хочу закрыть ноутбук и уехать туда, где люди не знают слова «конверсия».

— Вы давно отдыхали?

— Это вопрос от работодателя?

— От человека, который только что выяснил, что вы тоже зарабатываете себе усталость.

Я взглянула на него. Его рубашка у воротника была слегка помята — маленькая несовершенная деталь, которой я бы никогда не заметила на официальных фотографиях.

— Последний отпуск был год назад. Три дня в Карелии. И на второй день клиент прислал мне письмо с темой «СРОЧНО», потому что не мог выбрать шрифт для поздравления.

— Вы ответили?

— Через час. В этом и проблема.

Александр посмотрел в окно.

— Я в прошлом году уехал на неделю в горы. В итоге провёл половину времени в лобби отеля, потому что там лучше ловила связь.

— Тогда это был не отпуск. Это была аренда рабочего места с видом.

— Пожалуй.

Мы ненадолго замолчали. Меня поразило, насколько знакомым оказалось его одиночество: огромные разные жизни, а привычка всё время быть на связи — одинаковая.

— Перенесли? — спросила я.

— Нет. Но выдали удлинитель.

— Ваш отдел сервиса заслуживает награды.

— Гость поставил четыре звезды из пяти.

— За что снял одну?

— За недостаток гибкости пространства.

Я смеялась так, что пришлось отложить вилку.

Когда принесли десерт, разговор как-то незаметно изменился. В зале стало тише, за окном зажглись фонари. Александр спросил:

— Почему вы открыли собственное агентство?

— Потому что плохо переношу, когда мне объясняют, какой женщине следует быть ради успешной карьеры.

— Это кто-то конкретный объяснял?

— Бывший руководитель. И ещё один человек, с которым я когда-то собиралась прожить жизнь.

Я произнесла последнее почти небрежно. Внутри, однако, всё привычно сжалось.

Александр не стал торопить.

— Мой бывший жених, Роман, любил говорить «мы решили», — продолжила я. — «Мы решили, что Еве нужно меньше работать». «Мы решили переехать». «Мы решили не тратить деньги на её идею». А я всё ждала момента, когда меня пригласят на заседание этого загадочного «мы».

— И что произошло?

— Однажды я узнала, что он принял предложение о работе в другой стране. Один. В последние полгода он готовил отъезд, а со мной обсуждал цвет кухни в нашей будущей

квартире.

Мне стало неловко от собственной откровенности. Я смотрела на край бокала и старалась говорить спокойно.

— В итоге он сказал, что не хотел расстраивать меня раньше времени. Очень великодушно, правда?

— Не особенно.

В его голосе не было снисхождения. И это почему-то придало мне смелости.

— С тех пор я плохо отношусь к людям, которые всё решают за других. Даже из лучших побуждений.

Он кивнул, словно запомнил не историю, а предупреждение.

Я отвела взгляд к окну. За стеклом женщина в красном плаще пыталась сложить мокрый зонт и одновременно удержать бумажный пакет. Прохожий остановился, помог ей, а затем пошёл дальше, не дожидаясь благодарности. Простая услуга незнакомому человеку. Почему-то я смотрела на неё с таким вниманием, словно там разыгрывалась важная сцена моей собственной жизни.

— Я тогда долго считала, что всё испортила сама, — сказала я. — Не сразу после разрыва. Позднее, когда злость прошла. Перебирала разговоры, искала момент, в который должна была догадаться, что Роман всё решил. Удивительно удобная мысль: если я виновата, значит, в следующий раз просто буду внимательнее.

— А если не виноваты?

Я чуть улыбнулась.

— Тогда придётся признать, что невозможно предусмотреть всё. Вы понимаете, насколько это невыгодная концепция для кризисного консультанта?

Александр положил приборы. Я ожидала какого-нибудь резкого вывода о мужчинах, которые боятся обязательств, или, хуже того, утешения, произнесённого тоном человека, знакомого со мной всего несколько дней. Вместо этого он спросил:

— Кто первым предложил вам открыть агентство?

— Я. Но не вслух. Сначала считала деньги в блокноте по ночам, потому что боялась услышать: «Это слишком рискованно». Потом всё-таки рассказала Илье. Мы тогда работали в одном отделе. Он достал чистый лист и написал сверху: «Что нужно, чтобы попробовать?» Без «ты уверена?», без оценки моей способности руководить людьми.

— Хороший вопрос.

— Лучший, который мне тогда задавали. — Я провела пальцем по краю салфетки. — Поэтому до сих пор считаю нас настоящими партнёрами. Даже когда он ведёт себя как человек, которому пора запретить пользоваться корпоративным бюджетом без присмотра.

Александр коротко рассмеялся. Потом спросил, как мы нашли первых клиентов. Я рассказала про фотографа, согласившегося снимать пекарню за три коробки эклеров, про мою первую презентацию с перепутанными логотипами и

про ночь, когда мы вдвоём развозили листовки, потому что типография отдала заказ не туда. Илья тогда сумел сделать из этого историю о невероятной изобретательности стартапа, хотя в действительности мы просто боялись подвести заказчика.

Вспомнив ту ночь, я обнаружила неприятную вещь: легче защищать человека, если знаешь его с тех времён, когда вы оба ничего не умели. Даже разумное сомнение кажется предательством общей истории.

— Вы ему доверяете, — заметил Александр.

— Мы вместе строили «Контекст» четыре года. Да.

— Это не ответ на вопрос о доверии. Это ответ на вопрос о стаже.

Я подняла глаза.

— Справедливое замечание. И всё-таки пока ответ тот же.

Он не стал спорить. Я вернулась к десерту, но поймала себя на том, что теперь думаю не о его словах, а о собственном ответе.

Официант убрал десертные тарелки и предложил кофе. Я отказалась, а Александр попросил два эспрессо — и тут же остановился.

— Простите. Я не спросил, будете ли вы.

— Не буду. Но спасибо, что передумали до того, как принесли две чашки.

Он изменил заказ, будто в этом не было ничего особенного. Наверное, так и должно было быть. В другой жизни я

однажды целый год объясняла человеку, что не люблю кофе после девяти вечера. Сегодня мужчина, который распоряжался отелями и сотнями чужих расписаний, сумел переспросить официанта за две секунды.

Я не стала придавать этому слишком большого значения. Просто запомнила.

— А вы? — спросила я. — Почему решили заниматься отелями?

— Потому что вырос среди них. И потому что однажды захотел доказать, что могу сделать что-то не хуже отца.

— Получилось?

— С этим сложнее. У него всегда находился следующий критерий.

Я услышала в его словах что-то знакомое.

— Вы до сих пор пытаетесь сдать экзамен?

Александр посмотрел на меня внимательнее.

— Иногда. Хотя экзаменатор давно перестал приходить.

Это было больше, чем он собирался сказать. Я почувствовала и не стала спрашивать дальше.

Вместо этого мы долго обсуждали бессмысленные вещи: город, который оба любили и постоянно ругали; фильмы, которые не стоило пересматривать взрослыми; привычку некоторых людей хлопать после посадки самолёта. Выяснилось, что Александр однажды сам аплодировал в самолёте — не пилоту, а пожилой женщине, которая безошибочно разгадала сложный кроссворд за весь салон.

— Не верю, — сказала я.

— Могу найти свидетелей.

— Это разрушит ваш образ.

— Не говорите Инге.

Когда мы вышли, на противоположном тротуаре стояли двое с камерами. Александр заметил их раньше меня.

— Готовы к последней части спектакля? — спросил он.

Я посмотрела на протянутую ладонь.

— Наши правила, помните?

— Помню. Можно?

Я вложила пальцы в его руку.

Мы медленно пошли вдоль освещённых окон. Был холодный вечер, асфальт блестел после недавнего дождя. В ладони Александра моя рука казалась маленькой, но не беспомощной. Его ладонь была тёплой; пальцы не сжимались, оставляя мне возможность отпустить его руку первой.

— Вы замёрзли, — сказал он.

— В Петербурге это не болезнь, а национальная особенность.

— Машина стоит через квартал.

— Я могу пройти квартал.

— Не сомневаюсь.

Мы остановились у перекрёстка. На секунду я подняла голову и обнаружила, что он смотрит не на камеры и не на дорогу, а на меня.

— Что? — спросила я.

— Вы всегда так злитесь, когда о вас заботятся?

— Только если заботу путают с управлением.

— А если не путают?

Я хотела ответить привычной шуткой. Но он не усмехался и не пытался победить в разговоре.

— Тогда я ещё не привыкла, — призналась я.

Светофор сменился. Александр первым шагнул на переход, не отпуская моей руки.

У машины он открыл дверь, но не поторопил меня садиться.

— Спасибо за вечер, Ева.

— Это было рабочее мероприятие. Благодарности принимаются бухгалтерией.

— Тогда передайте бухгалтерии, что мне понравилось.

Я улыбнулась.

— Передам лично.

Уже дома я сняла серьги и обнаружила, что телефон разрывается от сообщений. Дарья прислала фотографию: мы с Александром шли вдоль мокрой улицы, держась за руки. Подпись гласила: «Редкий случай: Воронцов улыбается без совета директоров».

— Всё по плану, — сказала я пустой квартире.

Снимки завтра появятся в сети, и мне придётся объяснять их смысл десяткам людей. Но сейчас я сожалела только о том, что на пороге ресторана мы разжали руки.

Глава 6. Отель, который нельзя потерять

В понедельник утром «Атриум» пах кофе, свежим хлебом и полиролью для дерева.

Не тем сладковатым ароматом, который распыляют в дорогих отелях, чтобы гости считали себя успешнее, чем они есть. Настоящим запахом здания, где с семи утра идёт работа: на кухне пекут, в прачечной стирают, в служебных коридорах перекатывают тележки с бельём, а кто-то уже ищет пропавший ключ от конференц-зала.

Я приехала без вечернего платья и без намерения нравиться кому-либо. На мне были джинсы, светлая рубашка и удобные ботинки. Своей команде я отправила сообщение: «Первые два часа не беспокоить, если никто не горит».

— Как вы определяете «горит»? — тут же уточнил Дима.

— По наличию огня, — ответила я.

Нина Костина встретила меня у стойки регистрации.

— А, консультант! — Она узнала меня и улыбнулась уже без прежней осторожности. — Идите за мной, пока господин Воронцов не решил провести вас только по тем местам, где у нас стоят цветы.

— Он собирался?

— Все руководители сначала так делают. Потом понима-

ют, что я знаю, где протекает крыша.

Мы начали с кухни. Шеф-повар Павел показал мне помещение, где вместе со старым медным котлом стояла новая система вентиляции. Она работала отлично, в отличие от древнего грузового лифта, который иногда отказывался подниматься выше третьего этажа.

— К концу ноября обещали заменить, — сказал Павел.

— Когда обещали? — уточнила я.

— Позапрошлого ноября.

Он улыбнулся, но шутка вышла невесёлой.

На четвёртом этаже нам встретилась горничная Ольга. Она поправляла цветы в вазе, уже сняв с тележки чистое бельё.

— Вы из тех, кто будет решать, кого сократить? — спросила она без вступления.

Я остановилась.

— Нет. Я занимаюсь тем, как компания разговаривает с людьми.

— А можно поговорить так, чтобы нас не сократили?

Нина хотела вмешаться, но я качнула головой.

— Я не могу вам этого обещать.

Ольга посмотрела на меня и медленно кивнула.

— Тогда хоть не говорите, что у нас всё прекрасно.

Эту фразу я записала дословно.

Перед тем как идти дальше, я попросила разрешения заглянуть в служебную комнату отдыха. Там стояли четыре

разных стула, электрический чайник и холодильник, украшенный магнитами, которые кто-то приносил из отпусков. На двери висел график смен, исписанный пометками от руки.

Ольга показала мне столик у окна.

— Мы иногда здесь дни рождения отмечаем. Куда же без торта. — Она запнулась. — Простите, я, наверное, не то говорю. У вас серьёзный проект.

— То самое говорите, — ответила я.

На подоконнике лежала стопка книг. Детективы, сборник кроссвордов, потрёпанный томик рассказов. Я спросила, кто читает, и Ольга рассказала о ночных сменах, когда коридоры затихают, а тревога не даёт заснуть даже во время короткого перерыва.

— Когда написали про продажу, мы целую неделю обсуждали только это, — сказала она. — А потом перестали. Страшно произносить вслух.

Я могла бы предложить ей историю для нашего проекта — фотографию у окошка, разговор о двадцати годах работы, трогательный пост в социальных сетях. Всё это, наверное, набрало бы хорошие показатели.

Но прежде чем доставать телефон, я спросила:

— Если мы захотим рассказать о людях, которые здесь работают, вы согласитесь участвовать?

Ольга задумалась.

— Когда пойму, что вы хотите рассказать. И если я смогу

сначала прочитать свои слова.

— Договорились.

Я не стала её фотографировать. Я убрала телефон обратно в сумку. Согласие сначала, фотографии потом — на этот раз не только в моей презентации.

В служебном коридоре я увидела доску с детскими рисунками. На одном большими неровными буквами было написано: «Мама, у вас красивый отель».

— Дочь нашей сменной администраторши, — пояснила Нина. — Во время школьных каникул иногда приходит после кружка. Сидит у меня в кабинете и рисует. Я понимаю, что это не аргумент для банка, но…

— Для банка нет, — сказала я. — Для того, кто принимает решение, должно быть.

На втором этаже нас остановил молодой администратор с папкой в руках. На бейдже значилось «Руслан». Он узнал Нину и начал было извиняться за что-то, связанное с расписанием, но, услышав, кто я, попросил разрешения задать вопрос.

— Если отель продадут, нам предложат перейти в другие гостиницы сети или просто выплатят компенсацию?

— У меня нет достоверного ответа, — сказала я. — Но я запишу вопрос и добьюсь, чтобы на встрече с персоналом его разобрали отдельно.

— Я работаю здесь полтора года, — объяснил Руслан. — Живу на съёмной квартире. Если за месяц надо будет искать

работу, я найду. Наверное. А вот в резюме не напишешь, что в конце года нам ничего не говорили, потому что решение ещё не приняли.

Он говорил быстро, стараясь выглядеть деловым. У него дрожала папка — чуть-чуть, но достаточно, чтобы я заметила. Нина предложила присесть. Руслан отказался, сказал, что его ждут гости, и ушёл по лестнице почти бегом.

— С этим и живём, — тихо сказала Нина. — Каждый боится не столько перемены, сколько того, что его поставят перед фактом.

Я раскрыла блокнот и рядом с вопросом Руслана написала: «Срок предупреждения. Перевод внутри сети. Поимённый контакт для сотрудников». Простую вещь стоило записать, пока не пришло искушение заменить её красивым обещанием про «заботу о команде».

У лифта Нина остановилась у стенда с фотографиями выпускников внутреннего курса. Несколько снимков выцвели, один был прикреплён обычной канцелярской кнопкой.

— Вот эта девушка сейчас управляющая в Новгороде, — сказала она, касаясь фотографии. — А вот этот молодой человек начинал посудомойщиком. Мы ему оплатили курсы английского. Иногда люди уходят не потому, что им плохо, а потому, что готовы к большему. Это хорошая причина. Я хочу, чтобы и нынешние ребята однажды говорили о нас спокойно, даже если им придётся работать в другом месте.

— Вы сейчас почти придумали лучший лозунг кампании.

— Только не печатайте меня на плакате. Я уже однажды была на плакате с фразой «Наша команда — наша семья». Через два месяца нам уменьшили премию.

Я засмеялась, но в её словах не было ничего забавного. Они напоминали, что людям не нужен ещё один обещанный семейный круг, из которого в трудный момент тихо исключат половину участников.

— Никаких плакатов, — пообещала я. — Сначала ответы.

Выйдя из служебного коридора, мы оказались в холле. Молодая пара возле стойки жаловалась на слишком мягкие подушки. Руслан спокойно предлагал заменить их на другие. Его голос был ровным, движения точными. Минуту назад он спрашивал меня о собственной работе так, будто от ответа зависела аренда квартиры. Теперь заботился о том, чтобы незнакомые гости хорошо выспались.

Я поймала себя на раздражении: мне хотелось, чтобы кто-нибудь из людей, принимающих решения, увидел этот переход. Не выступление перед камерой, не фотографию с подписью «лучшие сотрудники», а обыкновенный рабочий день, в котором человек одновременно выполняет обязанности и боится будущего.

Потом подумала, что сегодня у меня есть возможность хотя бы попытаться это показать — без чужой жалости и без подмены цифр эмоциями.

Нина остановилась у лестничного окна.

— Вы не подумайте, мы понимаем, что здесь не музей.

Нужен ремонт, нужны деньги. Но когда в газетах пишут «устаревший актив», мне хочется привести автора и показать ему, кто здесь трудится. Мы ведь не мебель, чтобы нас списали вместе с коврами.

Я закрыла блокнот. Мне потребовалось несколько секунд, чтобы снова заговорить деловым тоном.

* * *

В кабинете управляющего стоял Александр и спорил с мужчиной в очках — финансовым директором Михаилом Ланским. На столе лежали схемы этажей и отчёт о техническом состоянии здания.

— Вы согласились с оценкой подрядчика, даже не проверив сроки? — спрашивал Александр.

— Мы проверяем. Но замена всей инженерной сети до начала зимы невозможна, даже если получить деньги завтра.

— Тогда нужен поэтапный план.

Они заметили меня. Александр прервал разговор.

— Доброе утро. Как прошла экскурсия?

— Я узнала, что грузовой лифт умеет останавливать работу лучше любого проверяющего.

Михаил устало вздохнул.

— Шеф-повар успел пожаловаться?

— Да. И ещё узнала, что вашей команде больше всего не хватает не нового оборудования.

— А чего? — спросил Александр.

— Определённости. Люди боятся, что о решениях узнают

из новостей. И боятся, что вы примете их молчание за согласие.

Он опёрся ладонями на стол.

— Что предлагаете?

Я достала лист с тремя колонками — ту самую схему, которую показывала ему на первой встрече.

— Называем проект «Открытый Атриум». На этой неделе вы проводите встречу с сотрудниками. Без журналистов, без заранее подготовленных вопросов. Потом публикуем перечень подтверждённых фактов: сколько людей работает, какие нужны вложения, что уже сделано, какие решения пока не приняты. Только после этого рассказываем истории отеля. И никаких счастливых лиц на камеру без согласия работников.

Михаил задумчиво посмотрел на лист.

— Финансовые цифры нужно согласовать с банком.

— Согласуйте. Мы не будем публиковать то, что не можем подтвердить. Но и превращать молчание в стратегию больше нельзя.

Александр повернулся к нему.

— Подготовьте варианты раскрытия информации к вечеру. И найдите место для встречи с персоналом. Проводим её в среду, по сменам.

— Все сто восемнадцать? — спросил Михаил.

— Всех, кто сможет прийти. Остальным — запись и возможность задать вопрос лично.

Когда он вышел, мы с Александром остались одни.

— Вы не боитесь, что сотрудники зададут вопросы, на которые у вас нет ответа? — спросила я.

— Боюсь.

Ответ прозвучал так просто, что я повернула голову.

— Вы это сейчас вслух сказали?

— Не записывайте в отчёт. Мне нужно сохранить репутацию.

Я улыбнулась, но он сразу посерьёзнел.

— Мне страшно обещать людям то, чего я не смогу сделать. Я не хочу, чтобы они через два месяца вспоминали сегодняшнюю встречу как ещё одно красивое выступление.

— Так не обещайте. Скажите, что вы делаете. И что ещё не получилось.

— Вы можете остаться на встрече?

— Как консультант — да. В качестве вашей девушки — нет.

— Я и не просил второе.

Только тогда я поняла, что это правда.

Мы прошли по коридору к старому залу на первом этаже. Сквозь витраж падал цветной свет, разбиваясь на квадраты и длинные полосы. Александр остановился у стены, где висела историческая фотография.

— Здесь была библиотека, — сказал он. — Когда я был маленьким, мама разрешала сидеть за дальним столом. Я делал уроки и ждал окончания её смены.

— Она работала на стойке?

— Сначала. Потом стала администратором. Она знала всех постоянных гостей по именам и всегда говорила, что хороший отель — это место, куда человек хочет вернуться не из-за дорогой мебели.

— А из-за чего?

— Из-за того, что его здесь запомнили.

Он повернулся ко мне.

— Если «Атриум» продадут, здесь, вероятно, сделают другой отель. Красивее. Дороже. Но это уже будет не он.

Я смотрела на солнечную полосу на его щеке. На секунду мне показалось, что мужчина рядом уязвимее, чем готов признать.

— Почему вы не рассказали об этом журналистам? — спросила я.

— О чём именно?

— О матери. О библиотеке. О том, почему всё это для вас важно.

— Вы же сами говорили, что личные истории не заменяют фактов.

— Не заменяют. Но объясняют, почему вы вообще боретесь.

Он приблизился к окну, чтобы пропустить проходящего сотрудника. Между нами осталось чуть меньше шага. Я уловила знакомый запах его парфюма — древесный, почти незаметный, и сама разозлилась на то, что уже умею его узнавать.

— Вы хотите сделать из меня сентиментального героя газетной статьи? — спросил он.

— Нет. Хочу, чтобы читатели поняли: вы человек, а не логотип компании.

— А вы сами это уже поняли?

Я подняла глаза. Он стоял совсем близко, но не касался меня.

В голове возникло несколько подходящих ответов. Ни один не хотелось произносить.

— Работаю над этим, — сказала я наконец.

Он чуть улыбнулся и сделал шаг назад.

* * *

Днём мы собрались в моём агентстве. Я пригласила команду на короткую встречу и разложила материалы по столу.

— Мы делаем не серию открыток о прекрасном прошлом, — объяснила я. — Нужна честная коммуникация: люди, цифры, конкретные решения. Сроки очень короткие. Дима готовит мониторинг, Вика — простую визуализацию, Илья — договоры с подрядчиками и бюджет. Никаких несанкционированных публикаций.

Илья, до этого изучавший телефон, поднял глаза.

— А кто будет согласовывать внутренние документы?

— Я и Инга. Часть материалов под соглашением о конфиденциальности.

— Но мне нужно понимать, какие расходы подтверждать. Может, дать мне доступ к общей папке компании?

— К бюджету нашей кампании у тебя доступ есть. К закрытым документам «Севера» — нет. Если понадобится конкретная цифра, запросим её через Ингу.

Он откинулся на спинку стула.

— Ты так говоришь, будто я чужой.

— Илья, я просто не хочу, чтобы важные файлы гуляли между шестью почтовыми ящиками.

— Ладно. Ты начальник.

Он улыбнулся, но улыбка была неуверенной.

Когда остальные вышли, я заметила, что он снова кому-то пишет. На экране высветилось короткое уведомление без имени отправителя: «Нужно закрыть вопрос до пятницы». Илья сразу перевернул телефон.

— Всё нормально? — спросила я.

— Да. Дома кое-что. Разберусь.

Я не стала расспрашивать. У всех бывают проблемы, о которых не хочется говорить на работе.

Вечером, когда я закончила план первой встречи с персоналом, пришло сообщение от Александра.

«Какой вывод после экскурсии?»

Я напечатала: «У вас слишком много слабых мест».

Ответ пришёл почти сразу: «Назовите три».

«Грузовой лифт. Коммуникация с сотрудниками. Привычка всё тащить на себе».

Три точки на экране появлялись и исчезали. Я уже решила, что сказала лишнее, когда телефон снова загорелся.

«Последнее, к сожалению, починить сложнее лифта».

Я долго смотрела на эти слова. Потом написала:

«Зато для этого не нужен подрядчик».

Он ответил одним словом: «Посмотрим».

Я представила его снова за длинным столом переговорной: папки, цифры, окно во весь рост. Никого, кто сказал бы, что день наконец закончился. Мне захотелось спросить, поужинал ли он, и я едва удержалась.

Мы договорились не требовать ответов на личные вопросы.

На всякий случай я добавила в список рисков четвёртый пункт — тот, который никто не должен был увидеть.

«Напомнить себе: его сотрудники — не декорация к нашей истории».

Глава 7. Слишком убедительно

В среду в девять утра я получила от Инги сообщение: «Александр Андреевич просит провести интервью без заранее написанных ответов».

Я перечитала его и почувствовала редкое профессиональное раздражение, смешанное с гордостью.

Именно к этому я его подводила. Но одно дело — мечтать, чтобы клиент научился говорить самостоятельно. Другое — наблюдать, как он выбрасывает подготовленные тобой формулировки за полчаса до эфира.

Мы договорились об интервью с Полиной Сергеевой для большого городского издания. Формат — беседа о будущем «Атриума» и о людях, которые в нём работают. Полина настояла на возможности задать несколько вопросов о нашей предполагаемой связи; мы не стали исключать их заранее.

Накануне мы с Ингой спорили, стоит ли вообще пускать журналистов в день встречи с персоналом. Я настаивала, чтобы эти два события не смешивались: сотрудники должны задавать вопросы руководству без объективов и риска увидеть наутро свою тревогу в заголовке. Поэтому интервью поставили на утро, в отдельной комнате, а встречу с персоналом оставили закрытой.

Самая сложная часть подготовки оказалась неожиданной. Мы могли заранее собрать цифры, проверить формулировки

и согласовать документы с юристами. Но никто не мог написать на бумаге, что Александр почувствует, когда его спросят, почему ему следует доверять. И я понимала: если он снова спрячет живой ответ за сухим выражением, никакой удачной фотографии нас не спасёт.

Мне хотелось, чтобы он справился. Я настойчиво называла это профессиональным интересом — и всё меньше верила собственному определению.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.